

A red-toned illustration of a Japanese landscape. In the foreground, a person in a boat is on a narrow waterway. The background features tall, craggy mountains under a sky with horizontal brushstrokes. The entire illustration is rendered in shades of red and pink.

ИЗГОЛОВЬЕ ИЗ ТРАВЫ

Путешествие в Японию писателя Марины Москвиной и художника Леонида Тишкова

МАРИНА

МОСКВИНА

Марина Москвина

Изголовье из травы

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-992
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Москвина М. Л.

Изголовье из травы / М. Л. Москвина — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-106225-5

До сих пор Япония для нас – это страна, лежащая за пределами наших представлений о мире, за гранью действительности, обитель сновидений. Писатель Марина Москвина и художник Леонид Тишков побывали в Токио, Киото, Наре, прошли по тропинкам поэта Басё, медитировали в монастырях, поднялись на Фудзи – так родилась эта головокружительная книга, где сквозь современность просвечивает образ древней Японии, таинственной земли, по которой бродят тени дзенских Учителей, где звучат и поныне голоса мастеров японской поэзии, бросивших вызов не только поэзии о любви, но и самой любви...

УДК 821.161.1-992
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106225-5

© Москвина М. Л., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Москвина

Изголовье из травы

Художественное оформление серии А. Дурасова
В оформлении используется иллюстрация Леонида Тишкова

© Москвина М., текст, 2020

© Тишков Л., иллюстрации в тексте, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*«Изголовье из травы»
по-японски означает «путешествие»*

Глава 1

Дорога в Токио

Вначале было слово, и слово это было *Япония*. (О Господи, помоги написать вторую фразу, ибо первая мне просто-напросто приснилась). Я проснулась от этих слов и увидела, что плыву над ночными холмами в черном небе среди знакомых созвездий, но расположенных под иным, непривычным углом, и вспомнила, что я в Японии. Полночным автобусом еду в Токио из древней японской столицы Нара.

Хотя мне всегда казалось, что это полностью нереальная страна, из моей детской книги сказок с корявой черной веткой, усыпанной белыми цветами, нарисованной на картонной коричневой обложке.

Там есть история, как у одной семьи не было детей. В один прекрасный день, работая в огороде, они услышали голос: «Я ваш сын. А вы мои мать с отцом. Отнесите меня домой, положите в кровать, окружите заботой, жизнь ваша наладится, мечты исполнятся, и все будет – лучше не придумаешь». Смотрят, а это – тыква на грядке. Они стали ее всячески лелеять, радоваться, что небо послало им такое сокровище, но только не понимали, как их родной сынок, когда вырастет, будет баюкать их одинокую старость?

Однажды он им велел пойти к императору и смело сватать за него императорскую дочку. Те: «Как? Ты простая тыква! Тем более, из совсем не знатной и неимущей семьи!» Он настаивал. Они, бедолаги, пошли. Кончилось все благополучно.

Не уступая обывательскому сознанию, он не стал суетиться и превращаться из тыквы в принца. Дочка императора влюбилась в него прямо так. Они поженились.

Естественно, в конце концов, он стал японским императором на радость своим уже совершенно ополоумевшим от этих событий родителям.

Да, это была страна, лежащая за пределами наших представлений о мире, за гранью действительности, обитель сновидений. Лишь только раз в жизни я приблизилась к ней территориально – в студенческие годы меня взяли на работу поваром в геологическую экспедицию в Хабаровский край. Мы жили на краю Земли в глухой таежной деревне, затерявшейся среди сопок, три дома, две семьи, один магазин, где продавали все – от водки до трусов, причем многие товары там были японские. Кажется, мы выменивали их диковинные одежды и предметы быта на леса Дальнего Востока, Сибири и Урала.

До сих пор я храню волшебный набор, подаренный мне бородатыми геологами на совершеннолетие: изготовленные в Японии из перламутровой пластмассы расческа, щетка и зеркало с розовой пластмассовой ручкой.

Соседка тетя Зоя расхаживала по двору в японской мохеровой кофте, кормила в таком виде кур, поросят, доила корову. Муж тети Зои, дядька Матвей, сидел вечерами на крыльце, курил беломорину, любовался закатом – в широких самурайских штанах.

Вообще, в тех краях вовсю веяло Японией, хотя между нами и ею пролегали озера, бескрайняя тайга, цветущие сопки, Приморский край, горы Сихотэ-Алинь, Татарский пролив и, конечно, пролив Лаперуза.

Недосягаемая, в любом случае – недосягаемая!.. Я в этом окончательно убедилась, когда много лет спустя, уже корреспондентом радио, приехала в Центр управления полетами – взять интервью у космонавтов Серебров и Викторенко.

На циклопическом экране по гигантской карте мира плыл яркий светлячок – космический корабль. Он миновал Южную Америку, прошел Атлантический океан, коснулся европейского континента и... бип! бип! Центр управления полетами ожил. Космонавты Серебров и

Викторенко прибыли в зону радиовидимости. Оператор, который вел связь, окликнул космонавтов:

– «Витязи»! Как слышите? Как чувствуете себя? Какое давление?

– Хорошо слышим! Хорошее давление, праздничное! (Было Первое Мая).

Меня представили космонавтам. Я задаю свои вопросы. Напоследок спрашиваю, не встречались ли им во время полета неопознанные летающие объекты.

– Хоть бы кто-нибудь, – отвечают Сан Саныч и Сан Степаныч, – мимо пролетел. Мы уж не мечтаем, чтобы вошел, следы оставил. Они все куда-то ездят в хорошие места на Земле... Да, кстати! – спохватываются «Витязи». – *А как там с поездкой в Японию??? Визы достали???* – серьезно так спрашивает космонавт Викторенко.

Ответить им не успели. Космический корабль уже летел над Тихим океаном. Среди белоголубых, желтых, красных звезд бороздили просторы Вселенной «Витязи», и вся наша Галактика простиралась перед ними.

Но чего-то им все же не хватало.

Как выяснилось, это была Япония.

Глава 2

«Тишков плюс один»

Не зря так волновались «Витязи» о визе в Японию. Достать ее чрезвычайно трудно.

Уже у нас с Лёней почти лежали в кармане билеты, благородно предоставленные «Аэрофлотом» журналу «Вояж», лишь оставалось назвать число, и оно готово было в любую минуту сорваться с губ – 25 апреля, начало цветения сакуры!..

Но этот план кренился и стонал в связи с неторопливой вдумчивостью, обстоятельностью и подозрительностью японского представительства.

Во-первых, в японском консульстве все сообщения для нашего народа висят на стенках исключительно на японском языке. Поэтому как-то не сразу нам стало ясно, что «приглашение» здесь принимают только на японском. Нашей подружке из американского посольства в Токио пришлось немало попотеть, чтобы, в конце концов, методом проб и ошибок, прислать нам приемлемый японский вариант.

Нести документы ни в коем случае не следовало в обеденный перерыв или в какой-нибудь общенациональный праздник. (Особенно, не приведи бог, в день рождения японского императора. Хорошо, что он появился на свет зимой.)

– Когда вы отправитесь сдавать документы, – советовал мужу моему Лёне знаток непостижимого японского характера Евгений Кручино из Общества дружбы России с Японией, – идти лучше мужчине, они как-то к женщине относятся без благоговения. Вступая в разговор, старайтесь там ни с кем не встретиться взглядом, японцы избегают смотреть в глаза, им это кажется агрессивным.

– Куда ж мне ему смотреть? – простодушно спрашивал Лёня.

– Смотрите на подбородок! – терпеливо отвечал Евгений Кручино. – И не вздумайте жестикулировать! Все наши жесты у них считаются неприличными. Например, поднятый большой палец у русского значит «хорошо», а у японца это означает «возбужденный мужчина»...

– Ближе к японцу лучше не подходить, они даже от своих стараются держаться подальше, – продолжал он. – Их много, а места в Японии мало, они ценят простор. О том, чтобы хлопнуть японца дружески по плечу, вообще не может быть и речи, у него это вызовет только омерзение. Сколько раз я об этом предупреждал, не счесть! – вздыхал Евгений Николаевич. – Нет! Все аккуратно наступают на те же грабли: хлопают японца по плечу, тормозят, прижимают к сердцу... На праздничные презентации являются в черных галстуках – а японцы на похороны черные галстуки надевают...

– Но даже если вы все сделаете правильно, – печально добавил он, – то в любом случае попадете в неудобное положение, потому что у нас – пятки вместе, носки врозь, а у них наоборот. Просто положитесь на судьбу и сдавайте свои документы. Их отправят в Токио, там будут под микроскопом исследовать в Министерстве иностранных дел, пройдет немало времени, пока они решат, впускать вас с Мариной в Японию или не впускать. *И если один раз откажут, не впустят уже никогда.*

– Причем крайне редко японец вам скажет «да» или «нет». Скорее он произнесет нараспев: «ма» или «ма-ма», что в переводе означает: «Ну-у, как бы это сказать...», «Пожалуй, что да...» или: «Более или менее...» Мудрый ястреб прячет свои когти, – подвел итог Евгений Кручино. – А Япония – это кочерга в вате. Даже если вам и дадут визу, то с такой важностью и не скоро, что вряд ли вы застанете цветение сакуры.

Лёня встал, пожал ему руку и отправился в японское консульство.

Вернулся он оттуда встревоженный.

– Кажется, я совершил роковую ошибку, – сказал он. – В графе «место работы» я просто указал, что я художник, а ты писатель. Наверняка, это вызовет у них подозрение. В Японии все люди где-то служат. Даже если ты простой сочинитель японских трехстиший хайкай, ты ходишь на работу, у тебя есть начальник, заведующие отделами, куча сослуживцев, профсоюз и четкое разделение труда... Один про зиму сидит пишет свои три строчки полный десятичасовой рабочий день, другой про осенние хризантемы, третий воспевает цветущую сакуру... Может, даже у них конвейер: один одну строчку сочиняет, другой другую, третий – третью! Боюсь, что «свободный художник» в их представлении – какой-то праздный, бесхозный бродяга, а впустить в страну две такие сомнительные личности – да это просто посеять смуту среди населения.

– А мне всегда казалось, – говорю, – что там, в Японии, каждый второй художник, каждый третий – каллиграф, святой отшельник, мастер дзен, постигший в самом себе сокровенную природу Будды, и буквально каждый без исключения – великий поэт...

– Ну-ну, – сказал недоверчиво Лёня.

И пока наши документы находились во взвешенном состоянии, мы с трепетом ловили в Интернете все новости из Японии о весеннем цветении сакуры. Оказывается, начав цвести в конце апреля, сакура волной расцветает по всей Японии с юга на север, и каждый день по радио сообщают, где расцвела сегодня сакура и где уже отцвела. Короче, она везде уже отцвела, когда нам сказали:

– **ТИШКОВ ПЛЮС ОДИН?** Приходите, есть виза.

– Что значит «Тишков плюс один»? – удивленно говорю я.

– Скажи спасибо, что не «Тишков минус два»! – заметил философски наш сын Серёня.

Рушились привычные декорации, путь, по которому легко было идти день за днем, заматала пурга, все предвещало чудеса, а мой муж Лёня, вернувшись домой с билетами и визами, принес под мышкой «Книгу самурая».

– Вдруг я на узкой тропинке встречу самурая? – сказал он с опаской. – Я должен знать, что делать: смотреть в глаза и выхватывать меч, или смотреть на подбородок и отойти в стороночку?..

日本国大使館・総領事館
(EMBASSY/CONSULATE-GENERAL OF JAPAN)

領 收 証
(RECEIPT)

付 DATE) 16 апр. 19 _____

番号 464
(No)

下記のとおり領収しました。

RECEIVED FROM MR. Тишков А.А.
Mrs. _____
Miss _____
(氏 名)

THE SUM OF 52000
(全 額)

FOR THE TELEGRAM CHARGE

査 証 (VISA)
 旅 券 (PASSPORT)

No. 14

片 道 ONE WAY
 往 復 BOTH WAYS

No. 14

Глава 3

«Мне нет прощения!»

В Японию десять часов лету, я за время пути связала полсвитера. Мы летим и по русско-японскому разговорнику пытаемся изучить ключевые японские фразы.

– «Мне хотелось бы одеться!» – читает Лёня жалостливым голосом. – «Я хочу есть». «Я не хочу идти с вами!» «Не мог бы кто-то понести мой багаж?» «Я потерял кошелек!» «У меня украли сумку!!!» «Я плохо себя чувствую». «У меня болит желудок». «Воды!» «Вызовите врача!» «...А медсестры красивые?»

– Это мы не запомним, – говорю. – Лучше бросить все силы на то, чтобы выучить два слова: «спасибо» и «извините», будем все время их повторять, к месту и не к месту.

Мы даже так решили: он выучит «спасибо», а я – «извините». Этого достаточно. Ну, уж на крайний случай, если удастся, разучим сложнейший оборот, фигуру высшего пилотажа, почти сократовское: «*Я совсем ничего не понимаю*».

Говорят, японцы умопомрачительно вежливы, но не из-за какого-то слишком уважительного отношения к окружающим. Я читала разные книжки перед отъездом, и там написано, что сквозь современную японскую вежливость явственно проступают черты древней феодальной дисциплины, насажденной в народе острием меча. Вот так, например, была изложена статья «Основного правила этикета дома Тогукава Иэясу», феодала, о котором официальная история вспоминает, как об «умном, благородном, душевном, понимающем свой народ, предельно вежливом и обаятельном властелине страны» (всего там сто статей, эта, сорок пятая, называется просто «Разрешение разругать и разбросать»):

«Простые люди, ведущие себя недостойно по отношению к представителям военного класса или обнаружившие неуважение к ним, могут быть зарублены на месте».

Еще совсем недавно, если младший ехал на велосипеде и встречал старшего, он должен был слезть с велосипеда и поклониться. А если младший шел в пальто, он должен был снять пальто! И тоже поклониться.

Сейчас, конечно, делаются различные уступки и послабления, но не слишком.

Поэтому слово «простите» – «сумимасэн» – (оно переводится как «мне нет прощения!») – в Японии употребляют на каждом шагу. Иногда оно даже заменяет простое приветствие, вроде: «Простите, что я есть!» А последнее время его стали использовать вместо «спасибо», ведь люди побеспокоились о вас, и вы очень сожалеете и жутко признательны. «Сумимасэн» – на все случаи жизни, японцы слышат его по сто раз на дню, так что истинное его значение почти стерлось. И когда речь идет о реальном неудобстве, требующем серьезных извинений, то всплывает совсем другое выражение, в три раза более уничижительное: «Я просто не могу подобрать слов, чтобы выразить свое сожаление...» и так далее, и тому подобное.

Покупатель, зайдя в совершенно пустую булочную, тоже приветливо крикнет «Сумимасэн!», словно извиняясь за возмутительный поступок. Хотя на самом деле он хочет яростно прорычать: «Эй, есть тут кто-нибудь живой?! Черт вас всех побери!!!»

Кстати, существенное обстоятельство в Японии – об этом честно предупреждает справочник: частенько японцы думают одно, а говорят совсем другое. Лишь говорящий знает, да, может, его собеседник ухватывает смысл. Остальные всё слышат, но не берут в толк, о чем идет речь.

Это древнее искусство имеет свое название «харагэй». Его многовековому процветанию помогает сам строй японского языка – там одни и те же слова во фразе можно понять и так и эдак. Харагэй – чисто японский способ вести беседу, в которой ты улавливаешь (или благополучно отпускаешь) скрытую, потаенную суть.

Короче, когда наш самолет приземлился в японском аэропорту Нарито, мы с Лёней были во всеоружии.

Мы вышли на улицу – накрапывал дождь, и сразу запахло рыбой, морем, водорослями... Вокруг были только японцы, одни японцы, больше никого! Мы сели в автобус, и аккуратный шофер в ослепительно белых перчатках («А я думал, это профессор социологии!» – сказал мне Лёня) повез нас в Токио.

В огромное лобовое стекло сквозь завесу дождя на меня наплывал этот странный, жутковатый город, как гигантский конструктор «Lego», временами обрываясь в золотистые холмы и озера, в тусклой дымке тумана вдруг вспыхнул бордовый многоярусный клен. А я то засыпала, то просыпалась, помню стойкое ощущение сновидения – и во сне, и наяву. Похожее чувство в девятнадцатом веке испытал писатель Иван Гончаров, вplывая на фрегате «Паллада» в бухту Нагасаки:

«Что это такое? – воскликнул Иван Александрович. – Декорации или действительность?!!»

В центре Токио нас встретила наша американская подружка – кореянка Ин Ми, отвела домой, накормила и сразу уложила спать. Лёня заметил в коридоре свою картину, которую он подарил ей в Москве.

– А почему моя картина висит в коридоре, а не в изголовье над кроватью? – спросил он, засыпая.

– Здесь нельзя ничего вешать над кроватью, – ответила Ин-Ми, – здесь почти каждый день землетрясение.

Это были последние слова, которые я услышала в тот нескончаемый день.

Колодец мудрости взят

Глава 4

«Очки для вашей собаки»

Проснулись от хриплого демонического смеха – кто-то за окном издавал такие звуки:

– А-АХХ – ХХА-А – ХХА-А – ХА-А!..

На балконе здоровый черный ворон крепким костяным клювом опрокидывал горшки с цветами, заботливо посаженными Ин Ми, учинял форменный погром.

Черный ворон – бич Токио. Крупные иссиня-черные вороны чувствуют себя тут полноправными хозяевами. Особенно с утра в понедельник, пока за работу не принялись уборщики, ворон со знанием дела потрошит помойки, вскрывает мусорные пакеты, ищет легкой наживы. Японцы их уважают и побаиваются.

Ин Ми уже не было дома, американское посольство переживало нелегкие дни: у Соединенных Штатов произошло какое-то недоразумение с японской подводной лодкой, надо было его улаживать.

И мы пошли одни, куда глаза глядят, по улицам, не имеющим названия, мимо домов безо всякой нумерации. А если дома и пронумерованы, то – как бог на душу положит. Вроде бы все логично: здание, которое возведено первым, – дом «один», вторым – «два». Неважно, что между этими двумя втиснули еще пять громадных башен. Такая неразбериха!

Приглашая к себе домой, токийцы посылают гостю факсом схему проезда или целиком полагаются на навигационную систему в его автомобиле, которая через космические спутники дружески инструктирует, как лучше двигаться по маршруту: «Сворачивай направо у ресторана “Рыба фугу”, минуешь три светофора, сверни налево, за парикмахерской въедешь в узкий проулок – и дуй вперед, пока не увидишь с правой стороны табачную лавочку...»

К тому же синтетически высоким голосом «навигатор» предупреждает о неполадках в автомобиле. Будь то падение уровня тормозной жидкости или перегрев двигателя, синтезатор тебе об этом крутит шарманку до тех пор, пока ты не примешь меры. А если у тебя в автомобиле наигрывает музыка, система автоматически «вырубит» ее, чтобы водитель внял предупреждению.

По автострадам сплошным потоком мчались роскошные японские машины.

Скоростные автомагистрали в Токио и подземные лабиринты улиц превратили город в трехэтажный. Отменен закон, ограничивающий высоту домов. Никакого чувства меры в этом смысле – по-моему, рестораны на крышах токийских небоскребов вращаются вокруг своей оси уже в стратосфере.

А так – все цветет: розы, рододендроны, азалии. Прямо Анапа!

– Ну, что? – сказал Лёня, деловито листая справочник. – Куда пойдем? Есть разные варианты: музей сумок, чемоданов и сейфов, собранных в Японии за последние двести лет. Или музей велосипедов. Там есть велосипед, на котором в детстве катался император! Музей зажигалок, музей очков – это, видимо, частные коллекции. Три поколения в одной семье собирали различные приспособления, чтобы лучше видеть! Есть очки, сделанные в Китае из кристалла около трехсот лет назад. Первые очки, завезенные в Японию в 1500-м году каким-то иезуитом. Наверняка там хранится пенсне Чехова. Я их знаю, японцев, они все скупают для своих музеев по всему миру. Короче, шесть тысяч очков! Плюс огромная статуя – гигантские очки. А также посетители, если их интересует, могут подписаться на толстый глянцевоый журнал «Очки для вашей собаки».

– Всемирно знаменитый музей фейерверков! – продолжал Лёня. – Музей пустынь, где хранятся образцы песка из всех пустынь, расположенные на карте мира! Этот музей славится

специальным аппаратом, который наглядно демонстрирует механизм образования песчаных дюн и барханов. Далее! Зоопарк.

Там создан «уголок предсказателей землетрясений». По их поведению можно судить о приближении стихийного бедствия. Это у них эксперимент. Но он не оправдался. Рыбы, вороны, фазаны и зайцы, живущие в комфорте и безопасности, напрочь прекратили реагировать на землетрясения, считают, что им в клетках и в бассейнах ничего не угрожает. О! Стрекозиный заповедник! Тут нам предлагают полюбоваться на двести разновидностей стрекоз, обитающих в Японии, и на добрую тысячу их «родственниц» – из разных уголков земного шара.

– Теперь. Прославленный на целый мир музей водопроводов! Музей прачечных, который каждый год посещают две с половиной тысячи людей!.. А нет у них, интересно, – задумчиво произносит он, – музея сухих супов? Ведь, как известно, именно Япония – родина быстросупа.

Здесь должен быть представлен первый супчик и первая, на скорую руку разваривающаяся лапша!

– Нет, – говорю я, забирая у него справочник, – зато есть музей паразитологии. Там выставлены червяки, обнаруженные у гурманов, которые слишком уж увлекались «суши».

– Какой кошмар! – закричал Лёня. – Зачем ты мне это читаешь?! А я-то их: раз! Раз! Хотя такая мысль сразу зародилась...

К чести японцев надо сказать, что за все время нашего путешествия у нас ни разу не заболели животы. Что мы только не ели, какими нас ни угощали экзотическими яствами – очень хорошее было самочувствие. А этот музей, я так понимаю, демонстрировал экспонаты давно минувших дней.

Недаром в том же справочнике торжественно декларировали: «Это будет страшное несчастье, если кто-нибудь заболит в Японии от еды или питья! Никакой такой гадости, которую запросто можно заполучить в любой из стран Азии, здесь нет и не может быть, так как еда в Японии – высочайшего стандарта, а воду повсюду в нашей стране вы можете пить абсолютно бесстрашно!»

Японцы ведь чистюли. У них такая чистота везде. Я видела, утром перед продуктовым магазином японец в расцвете лет мыл тряпкой тротуар, и пылесосом чистили полы на вокзале. Видела, как водители сдувают пылинки с сияющих автомобилей. Мы чуть только тронули рекламный проспект на автобусной остановке, мигом подскочил незримый наблюдатель за порядком и поправил уголок.

Говорят, в последнее время одержимость гигиеной превратилась у японцев во всенародную маниакальную страсть. Страну буквально захлестнула волна антибактериальных товаров: кухонные ножи и разделочные доски, полотенца, простыни, шторы, игрушки, носки, шариковые ручки, унитазы...

Компьютерная мышь может быть рассадником заразы, если она сделана не из антисептического материала, так что не стоит необдуманно хвататься за нее голыми руками. Сначала заверните ее в антибактериальный платок! Вставьте антибактериальную карточку в банкомат, и получите стерилизованную пачку банкнот. Офисные телефоны опрыскивают антибактериальным спреем...

Японцы и сами все время моются, аж прямо поскрипывают от чистоты. Естественно, они себя считают самой чистоплотной нацией на Земле. В девять вечера вся Япония у себя дома погружается в сидячую ванну «фуро». И пару раз в неделю – с друзьями в баню! Пятьдесят миллионов человек ежедневно посещают общественные бани. Это половина населения страны!

Нам рассказывали японцы, когда мы с ними поближе познакомились, что они до того привыкли все время смачивать кожу, что вообще уже не выдерживают сухости, такие стали влаголюбивые, как саламандры. Отдыхать они едут в еще более влажные страны, вроде Индонезии. Но когда они выезжают, то часто болеют. Из-за постоянного обеззараживания у них ослабел иммунитет.

Лёня им все время говорил, пока мы там путешествовали:

– Хватит мыться! Вы сначала испачкайтесь, а тогда мойтесь. Кожа сама себя должна защищать. Она выделяет антибактериальный состав. Зачем вы понижаете ее естественные защитные функции?..

Но апофеозом японской неизбывной чистоты было вот что. Однажды я встретила паренька в ослепительно белых штанах, белой курточке и шапочке. Костюм и шапочка были заляпаны грязью. Где он отыскал грязь? Да еще такую выразительную! Как будто шагал по бездорожью, на дороге рытвины, слякоть, лужи, как у нас тогда было в Хабаровском крае, и промчавшийся мимо КамАЗ окатил бедолагу с ног до головы...

Я подошла поближе и остолбенела. Это был искусный *рисунок на ткани!*

Глава 5

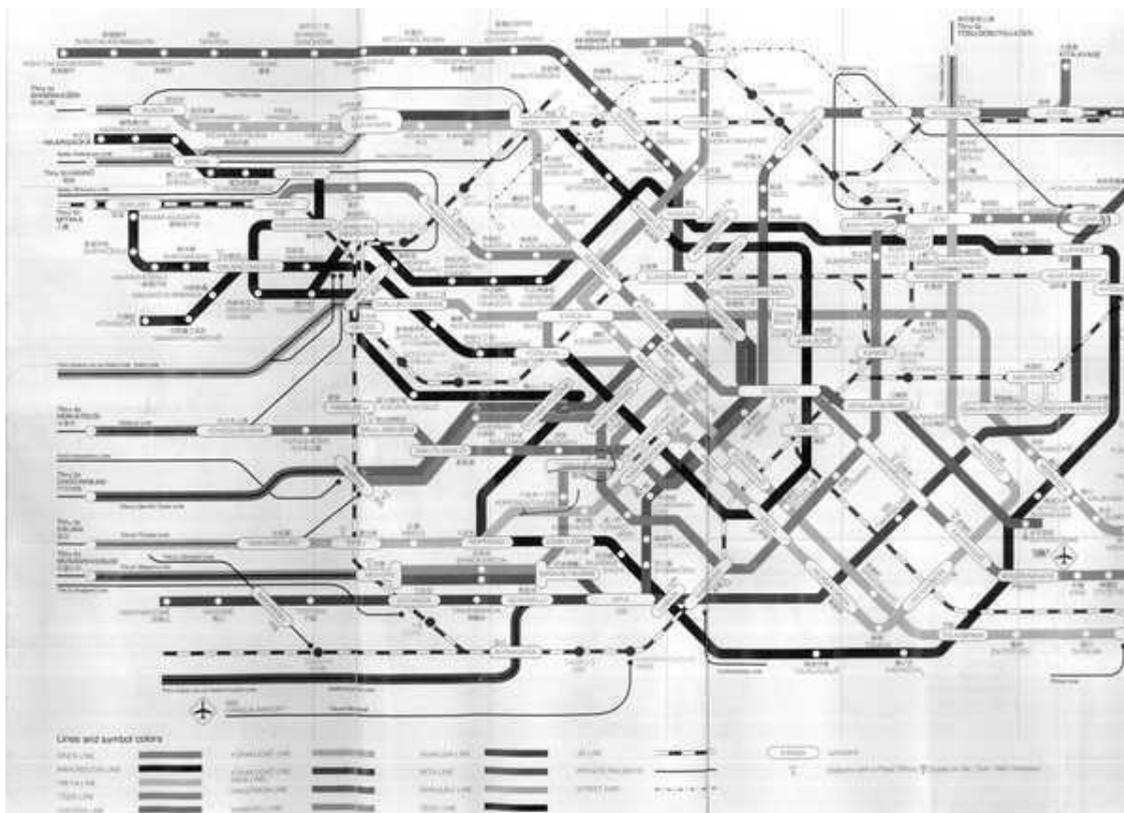
Отдельный вагон для женщины

Шум в Токио – невообразимый. Мы заметались в поисках зелени и тишины, и отправились в Уэно-парк на метро, где Лёню ожидало первое потрясение в смысле страшной японской дороговизны: вход в метро, если едешь не слишком далеко, стоит полтора доллара!

Причем, невозможно сообразить, как выудить билет из сложнейшего компьютерного механизма. Минут сорок пять Лёня стоял и внимательно изучал, как это делают *другие* японцы.

В метро переплетается множество разноцветных линий. Есть государственные линии, есть частные. Перебираясь с одной на другую, приходится доплачивать. И тут же, почти параллельно, едут пригородные электрички, неотличимые от поездов метро – с мягкими бархатными сидениями, как в консерватории.

Нет, все не так страшно, повсюду развешены схемы и указатели. Они начертаны на трех языках – любой выбирай: японский, корейский или китайский. Редко увидишь схему с указателем на английском. Поэтому Лёня постепенно наострил сравнить рисунок иероглифов. Иероглиф там – иероглиф здесь. Главное, хорошо усвоить два иероглифа «выход». Они изображают человечка и квадрат. Но все равно мы путались, выходили не там, вечно ехали не в ту сторону, платили по нескольку раз за одно и то же. Нам даже деньги возвращали, настолько у нас был безнадежно потерянный вид.

Правильно мне папа говорит: надо было в детстве сидеть, света божьего не видеть, учить иностранные языки. Тогда нигде не пропадешь, куда бы ни забросила тебя судьба. И он всю юность заставлял меня учиться игре на фортепиано. «По крайней мере, – он говорил, – у тебя будет в жизни твердый кусок хлеба».

Стройными рядами в черных костюмах, белых рубашках и галстуках, в очень дорогих ботинках, с дипломатами, ехали на работу японские служащие. Прямо голова шла кругом, до того они все были одинаковые. И такие у них серьезные, непроницаемые лица! Нет, конечно, такой задумчивости, чтобы кто-то вез в сумке kota. Только если чучело...

– Надо же, – удивлялся Лёня. – Им армию запретили, так они ходят в форме на «гражданке»!.. Какие солдаты пропадают!..

После второй мировой войны одно из условий японской капитуляции было – ликвидировать армию. Уж очень у них воевали хорошие солдаты – верх дисциплины. Их с детства учили беспрекословно слушаться старших и равнодушно относиться к смерти. Японские пилоты пикировали на своих самолетах, нагруженных взрывчаткой, на вражеские корабли. Они называли себя «камикадзе», или «божественный ветер», в честь урагана, который *дважды* разметал монгольский флот хана Хубилая, мечтавшего завоевать Японию. И это несмотря на то, что монголы оба раза выбирали для своего нападения время, когда тайфунов просто не бывает!

И в плен японцы сами не сдавались. Чуть что – харакири. Однажды в истории Японии был поднят вопрос об отмене этого варварского обычая, но первый японский парламент триумфально провалил закон об уничтожении в стране харакири – двести голосов против трех! После окончания второй мировой войны около ста высокопоставленных военных и сановников здесь, в Токио, в знак солидарности с императором совершили над собой харакири на площади перед дворцом Хирохито.

Сейчас японцы, мне показалось, активно (как бы точнее выразиться: культивируют? насаждают?) *взрачивают в себе цветок миролюбия*. На улицах и в метро совсем нет бритоголовых с цепями и агрессивных – в кожанках.

Однако не так давно, в 70-е, один из самых известных писателей Японии Мисима Юкио совершил харакири после того, как пламенно обратился с воззванием к солдатам и офицерам вернуться на путь милитаризации. А те как-то не зажглись.

Набережная реки Сумида, Токио

Суровый серьезный народ. И что интересно: вот эти наисерьезнейшие пассажиры в метро все как один читают комиксы! Что-то такое про звездные войны, про исторические битвы, про всякие волшебные дела и суперстрастную любовь.

Видимо, легкомысленные комиксы оказывают колоссальное воздействие на сознание более или менее сдержанного мужского населения в Японии, иначе я не нахожу объяснения, почему в «час пик» в переполненных вагонах токийского метрополитена женщинам для безопасности предоставлены отдельные огороженные площадки и даже целые вагоны!..

Японская женщина – это чудо нашей планеты. Ее украшением, по древнему законодательству китайца Конфуция, должны быть кротость, послушание, целомудрие, милосердие и безмятежность. При этом, говорят, она никогда не была окружена романтическим ореолом, рыцарь не совершал подвигов ради ее улыбки, до сих пор японский муж – самый требовательный из всех мужей мира.

Когда он отправляется на работу, жена провожает его до калитки и низко кланяется. Завидев, что он возвращается домой, она оповещает об этом домочадцев словами: «О каэри», – что означает «Почтенное возвращение». Муж ничего не возьмет сам, даже если все рядом, а хлопнет в ладоши и крикнет: «Моттэ кой» – «Взяв, иди!», и это вместо вежливой просьбы: «Моттэ китэ кудасай» – «Пожалуйста, принесите». К тому же он поздно приходит, частенько пьяный, да еще в сопровождении каких-то веселых девушек.

В конце концов, даже терпению японской женщины приходит конец, тогда общество принимает меры по упрочению семьи. Например, в одном из поселков Окинавы за сто лет не было ни одного развода. При первом разладе супругов высылают на безлюдную «Скалу мира» – островок в трех километрах от главного острова, дают им небольшой запас пищи и всего один комплект теплой одежды. Через два-три дня, полностью помирившись, они готовы вернуться обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.